

На правах рукописи

Груздинская Виктория Сергеевна

**ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ИСТОРИЯ ИСТОРИОГРАФИИ В СССР:
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1940-Х – СЕРЕДИНА 1980-Х ГГ.**

Специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы
исторического исследования

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Омск – 2020

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского» на кафедре отечественной истории и политологии

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Корзун Валентина Павловна

Официальные оппоненты: **Леонтьева Ольга Борисовна**, доктор исторических наук, доцент, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», кафедра российской истории, профессор
Тихонов Виталий Витальевич, доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт российской истории Российской академии наук», ведущий научный сотрудник

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Челябинский государственный университет»

Защита диссертации состоится «09» февраля 2021 года в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 999.161.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, созданного на базе ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет», ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского» по адресу: 644043, г. Омск, ул. Партизанская, 4а, ауд. 302.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Омского государственного педагогического университета (644099, г. Омск, Набережная им. Тухачевского, 14, библиографический отдел); <https://omgpu.ru/dissertations/8790>

Автореферат разослан

«___» _____ 2020 г.

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Спецификой современной историографической ситуации является возросший интерес к вопросам ремесла историка, его эпистемологическим основаниям. Сегодня историческим сообществом признается факт наличия кризисных явлений внутри исторической науки, выход из которых связан с формированием нового исторического сознания, «способного адекватно осмыслить совершившиеся и совершающиеся в мире перемены, критически преодолеть европоцентрическую перспективу», что в свою очередь должно привести к «созданию новой исторической культуры и нового образа исторической науки»¹. Происходит трансформация самого образа историографии как научной дисциплины. Понимание этого процесса провоцирует интерес к историографическому всплеску, который переживала советская историческая наука в конце 1950-х – середине 1980-х гг. (хотя симптомы этого «всплеска» очевидны уже во второй половине 1940-х гг.). В означенный период историографическая тематика обсуждалась на конференциях, осмыслялась в пространстве специальных историографических сборников и учебной литературы, становилась объектом диссертационных исследований. В годы «историографического бума» свет увидели собрания сочинений классиков отечественной историографии. Важен и социально-политический контекст развития советской исторической науки во второй половине 1940-х – середине 1980-х гг. Влияние власти на историческую науку оставалось существенным в эти годы, хотя и неодинаковым. Научное сообщество, принимая «правила игры» политического истеблишмента, учитывая идеологическую конъюнктуру, испытывало воздействие и эндогенных факторов развития. Этот период выступает благодатной почвой для осмысления феномена дисциплинарности в контексте смены образов науки, востребованного корпорацией современных историков.

Степень изученности темы. В науковедческом ракурсе дисциплинарное оформление научной дисциплины наиболее отчетливо проявляется в формировании ее предметного поля, складывании исследовательского нарратива, институционализации научного сообщества, а также в закреплении научного знания в учебных планах и учебной литературе (последний сюжет не представлен в настоящей работе в качестве самостоятельного, он включен в раздел, посвященный предметной области историографии). Данные вопросы являются магистральными в диссертационном исследовании, в соответствии с ними построен историографический обзор. В огромном массиве литературы о советской исторической науке выделяется несколько проблемных блоков.

Первый блок составляют работы, посвященные феномену советской историографии. Обращение к этому сюжету связано с инкорпорацией историографии в общий процесс развития советской исторической науки. Преимущественно интерес исследователей концентрировался вокруг сюжетов взаимодействия науки и власти. Подобный ракурс акцентировал внимание историографов на «болевых точках» истории советской исторической науки: «академическое дело», идеологические проработки историков в 1930-х и 1940-х гг., разгром сектора методологии истории Института истории АН СССР и др. Исследования, очерчивающие общий контур развития исторической науки в означенный период, неравномерно представлены в хронологическом срезе. Наибольший интерес историков привлекли эпизоды истории советской историографии, связанные с идеологическими кампаниями «позднего сталинизма» (вторая половина 1940-х – 1953 гг.).

Биографические траектории историков также стали предметом историографических изысканий конца XX – начала XXI вв., что вписывалось в антропологический поворот. В этом русле внимание ученых было обращено к жизнеописаниям советских историков, к проблеме их

¹ Репина Л.П. Ситуация в современной историографии: общественный запрос и научный ответ // Историческая наука сегодня: Теория, методы и перспективы. М., 2012. С. 8.

«изломанных» судеб, из историографов наиболее яркий пример – Н.Л. Рубинштейн². Другой стороной этого процесса явилось обращение историографов к изучению научного сообщества и его повседневных практик, к стратегиям поведения ученых как внутри корпорации³, так и при взаимодействии с властью⁴. Таким образом, научное сообщество начинает исследоваться как действующий субъект, его поведение и реакции могли корректировать или не корректировать властные установки. В рамках этого массива исследований начала кристаллизироваться и тема специфики советского исторического и историографического нарратива⁵.

Применительно к данному диссертационному исследованию эти оценки феномена советской историографии значимы не только в качестве контекста осмысления дисциплинарного становления историографии, но и как возможность более четко проследить меняющиеся задачи/функции дисциплины.

В специальный блок выделены работы, посвященные дисциплинарному развитию историографии в интересующий нас период. Впервые к этим сюжетам исследователи обратились в 1960-е гг. в ходе подготовки последних томов «Очерков истории исторической науки в СССР». Так появился целый пласт «автоисториографических» исследований. В поле зрения авторов оказался современный им историографический процесс. Пожалуй, наиболее концентрированный пример подобного изучения представляет монография В.Е. Иллерицкого «Советская историография отечественной истории: Очерки развития историографии истории СССР (1917 – 1960-е гг.)»⁶.

² Пугачев В.В., Динес В.А. Николай Леонидович Рубинштейн // Историки, избравшие путь Галилея. Статьи, очерки, Саратов, 1995. С. 157–173; Муравьев В.А. «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна // Археографический ежегодник за 1998. М., 1999. С. 228–233; Медушевская О.М. Источниковедческая проблематика «Русской историографии» Рубинштейна // Там же. С. 234–235; Шмидт С.О. Судьба историка Н.Л. Рубинштейна // Там же. С. 202 – 227; Цамутали А.Н. Николай Львович Рубинштейн // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 697–704; Шаханов А.Н. Борьба с «объективизмом» и «космополитизмом» в советской исторической науке. С. 18–207; Дубровский А.М. Историк и власть. С. 538–554; Мандрик М.В. Николай Леонидович Рубинштейн: очерк жизни и творчества // Рубинштейн Н.Л. Русская историография. СПб., 2008. С. VII–СXXXIV; Корзун В.П., Колеватов Д.М. Историки в фокусе кампаний по борьбе с космополитизмом. «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна: меняющийся образ науки // Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х–середина 1950-х гг. М., 2011. С. 323–337; Соломаха Е.Н. Труд Н.Л. Рубинштейна «Русская историография»: его содержание и оценка в отечественной исторической литературе: монография. Н. Новгород, 2011 и др.

³ Кефнер Н.В. Научная повседневность послевоенного поколения советских историков: дис.... канд. ист. наук. Омск, 2006; Кныш Н.В. Образ советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: дис.... канд. ист. наук. Омск, 2009 и др.

⁴ Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930 – 1950-е гг.). Брянск, 2005; Он же Власть и историческая мысль в СССР (1930 – 1950-е гг.). М., 2017; Свешников А.В. Советская медиевистика в идеологической борьбе конца 1930 – 1940-х гг. // Новое литературное обозрение. 2008. № 2. С. 86 – 112; Юрганов А.Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011; Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. / под ред. В.П. Корзун. М., 2011; Тихонов В.В. Идеологические кампании позднего сталинизма и советская историческая наука: середина 1940-х гг. – 1953 г. М.; СПб., 2016.

⁵ Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в историографию отечественной истории XX в.: учебное пособие. Омск, 2001. С.226 – 234; Сидоров А.В. Теоретико-концептуальные основы отечественной историографии 1920-х годов: дис... д-ра ист. наук. М., 1998; Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений. М., 2008; Крих С.Б. Язык советской историографии: основные характеристики // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 3. С. 214 – 222; Он же. Унификация историографического нарратива как исследовательская проблема //Диалог со временем. 2020. № 70. С. 124 – 138; Свак Д. Опыт микроисториографии. М., 2019 и др.

⁶ Работа была подготовлена в 1980 г., а опубликована посмертно в 2006 г. См.: Иллерицкий В.Е. Советская историография отечественной истории: Очерки развития историографии истории СССР (1917 – 1960-е гг.). М., 2006.

Исследования по дисциплинарной истории историографии представлены несколькими группами. Первую группу составляют труды, посвященные институциональному оформлению историографии. Речь идет преимущественно о комиссии по истории исторической науки и научном совете по проблеме «История исторической науки».

В контексте идеологических кампаний конца 1940-х – начала 1950-х гг. деятельность комиссии по истории исторической науки была изучена В.В. Тихоновым⁷. Исследователь приходит к выводу, что историографические сюжеты, ставшие едва ли не главной мишенью для критики в ходе идеологических проработок «позднего сталинизма», «способствовали институциональному становлению ключевого центра изучения истории исторической науки – Комиссии по истории исторической науки и дальнейшему ее развитию»⁸.

Интересующие нас вопросы освещены в работах Н.В. Иллерицкой⁹ и Г.Д. Алексеевой¹⁰. В этих исследованиях дисциплинарный аспект представлен краткой констатацией создания историографических институций. В работах Л.А. Сидоровой сюжеты, связанные с деятельностью историографических институций, также отдельно не выделены из общей картины развития советской исторической науки второй половины 1950-х – 1960-х гг. Исследовательница отмечает противоречивость данного периода, называя его периодом «санкционированной свободы». С одной стороны, наметились позитивные сдвиги в исторической науке: открытие архивов, попытки установить диалог между властью и ученым сообществом, научные дискуссии. С другой, в эти годы исследовательская деятельность историков испытывала сильное влияние сверху.

В 2000-х гг., в изменившихся социально-политических и внутринаучных условиях наблюдается интерес к дисциплинарному становлению историографии в качестве самостоятельной научной проблемы. Именно в этот период К.П. Ярковой была защищена диссертация, непосредственно касающаяся проблемы институционального строительства историографии. На примере научного совета по проблеме «История исторической науки» автором представлена история развития историографии в 1960 – 1980-е гг.¹¹. Исследовательница подробно характеризует интеллектуальный и социально-политический контекст эпохи. Ею было выделено два направления деятельности совета: координационно-организационный и научно-издательский. Автор делает вывод о большой роли данной институции в складывании научных контактов между историографами. К.П. Яркова обращается к анализу основных коммуникативных площадок – «историографических сред» и конференций.

Немногочисленную группу составляют исследования, посвященные представлениям о предметной области историографии во второй половине 1940-х – середине 1980-х гг., то есть речь идет об историографии второй степени. В современной литературе предметная область историографии сохраняет свою актуальность. При всем внимании к данному сюжету он представлен без привязки к конкретному историографическому этапу¹².

⁷Тихонов В.В. Комиссия по истории исторической науки Академии наук СССР и развитие историографических исследований в середине 1940-х – начале 1950-х годов // Исторические записки. 2016. № 16. С. 327-344; Он же. Идеологические кампании позднего сталинизма и советская историческая наука: середина 1940-х гг. – 1953 г. СПб.; М., 2016. С. 329–343.

⁸ Тихонов В.В. Идеологические кампании... С. 34

⁹ Иллерицкая Н.В. Становление советской историографической традиции: наука не обретшая лица // Советская историография. М., 1996. С. 162–190.

¹⁰ Алексеева Г.Д. Историческая наука в России. Идеология. Политика (60 – 80-е гг. XX века). М. 2003. С. 13.

¹¹ Яркова К.П. Научный совет «История исторической науки» Отделения Истории Академии наук СССР (1958–1985): возникновение, деятельность, итоги: дис... канд. ист. наук. Иваново, 2009.

¹² Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания: уч. пособие. М., 2008; Репина Л.П. "Историографическая революция" и теоретические поиски на рубеже веков // ЭНОВЖ «История». 2013. № 2. Режим доступа: <http://history.jes.su/s207987840000362-7-1> (дата обращения: 06.09.2020); Алеврас Н.Н. Предмет

Применительно к интересующему нас периоду значима работа Т.Н. Поповой. Автор рассматривает предметную область историографии как проявление ее дисциплинарного статуса. Представления о предмете историографии, бытовавшие в советской исторической науке, были рассмотрены В.П. Корзун. Автором намечены узловые пункты оформления и трансформации предметного поля историографии в 1960 – 1980-е гг. Более подробно с фактологической точки зрения этот сюжет представлен в работе Е.Н. Соломахи¹³. Исследовательница рассмотрела обсуждение таких важных методологических вопросов, как определение предмета историографии, историографического факта и историографического источника, классификация историографических источников.

Подводя итог сказанному, отметим, что дисциплинарное становление и развитие историографии осмысливается преимущественно в двух аспектах: институциональном и предметно-содержательном. Институциональный аспект представлен фрагментарно. Как правило, в работах деятельность историографических институций оказывается на втором плане и выступает скорее иллюстрацией контекста развития исторической науки. При этом интеллектуальный и социально-политический климат советской исторической науки освещен довольно подробно в современной литературе. Однако и здесь наблюдается неравномерность – наиболее изученным предстает период второй половины 1940-х – 1960-х гг.

Из поля анализа процесса дисциплинаризации историографии выпал коммеморативный аспект, как важный показатель оформления научного сообщества историографов. И это удивительно на фоне общего увеличения публикаций по исторической памяти и возросшего числа конференций, посвященных новым и старым классикам отечественной исторической науки¹⁴.

Объект исследования: советская историческая наука.

Предмет исследования: оформление историографии как научной дисциплины в СССР в институциональном, предметном, коммуникативном и коммеморативном аспектах.

Цель исследования: реконструкция процесса дисциплинарного оформления историографии в СССР во второй половине 1940-х – середине 1980-х гг.

Поставленная в диссертационной работе цель достигается разрешением ряда **задач**:

- определить особенности становления историографии как научной дисциплины в советской интеллектуальной традиции в 1920-х – начале 1940-х гг.;
- выявить факторы, оказавшие влияние на развитие историографических исследований во второй половине 1940-х – середине 1980-х гг.;

историографии: версии современной науки // *Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI-XX вв.* Екатеринбург, 2010. № 7. С. 173–190; Она же. Источниковедение историографии и историографический источник в контексте источниковедческой парадигмы как повод для историографических заметок и размышлений // *Мир историка: историографический сборник.* Омск, 2017. Вып. 11. С. 100–121; Попова Т.Н. Пути и перепутья в историографии, или как не заблудиться в «дорожных картах» // *Мир историка: историографический сборник.* Омск, 2017. Вып. 11. С. 122 – 157; Антощенко А.В. Зачем изучать историографию? // *Мавродинские чтения 2018: Материалы Всероссийской конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина.* СПб., 2018. С. 560–564.

¹³ Соломаха Е.Н. Постановка теоретико-методологических вопросов историографического исследования в 50 – 90-е гг. XX в. // *Клио.* 2014. № 7. С. 12–17.

¹⁴ См., например: Репина Л.П., Леонтьева О.Б. Образы прошлого, мемориальная парадигма и «историография памяти» в современной России // *ЭНОЖ «История».* 2015. № 9. Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840001259-3-1/> (дата обращения: 06.09.2020); Леонтьева О.Б. Историческая память и коллективная идентичность российского/советского общества: современные подходы к изучению // *Профессиональная историография и историческая память: опыт пересечения и взаимодействия в сравнительно-исторической перспективе.* М.: Аквилон, 2017. С. 123–144; *Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография.* М., 2020. С. 5–36.

- определить этапы и специфику деятельности институций, задававших параметры развития историографии;
- охарактеризовать формы научных коммуникаций внутри сообщества и определить их специфику и значение для развития дисциплины в целом;
- выявить формы формирования корпоративной памяти ученого сообщества историографов на примере научной «реабилитации» М.Н. Покровского.

Хронологические рамки исследования охватывают период со второй половины 1940-х до середины 1980-х гг. В 1946 г. при Отделении истории и философии АН СССР была создана комиссия по истории исторической науки. Она стала первой институцией, которая объединила историков, интересовавшихся историографической проблематикой. В годы «оттепели» был создан научный совет по проблеме «История исторической науки», просуществовавший до 1985 г. Деятельность указанных историографических структур была направлена на формирование сообщества историографов, организацию коммуникативных площадок, координацию изучения историографических сюжетов в стране. Для лучшего понимания изучаемого процесса представляется необходимым сделать хронологическое отступление в более ранний период, в 1920-е – 1930-е гг. Именно в это десятилетие произошло складывание советского историографического нарратива, основные черты которого сохранялись до конца 1980-х гг.

Теоретико-методологическая часть исследования основана на интеграции нескольких востребованных современных направлений. В данной работе наработки неоинституционального подхода применимы при изучении функционирования историографических институций: комиссии по истории исторической науки и научного совета по проблеме «История исторической науки». В рамках этого подхода признается, что институты/институции обладают когнитивностью, формируя поле, в котором происходит производство/трансляция/рецепция научного знания. На авансцену научного исследования выводится субъект, испытывающий принуждение/привязку к социальной роли, транслируемой через исторически сложившиеся институции или организации. Использовались в диссертационном сочинении и методологические находки П. Бурдье, в частности определение «поля науки» как автономного социального мира, осуществляющего принуждения, предъявляющего требования к субъектам и т.д. Внутри научного сообщества действуют определенные «свои» правила поведения/социальные ожидания, которые и определяют функционирование науки в социальной среде. В конце 1950-х гг. началось формирование научного сообщества историографов как поля науки, которое включало в себя конкретные площадки локализации историографически ориентированных историков, создание профессиональных коллабораций, выработку основных правил и механизмов борьбы за сохранение или изменение соотношения сил. Последний тезис призван объяснить возникающие конфликты внутри историографического сообщества в исследуемый период.

Результаты теоретических исканий представителей «интеллектуальной истории» оказались востребованы в исследовании дисциплинарной истории историографии. Сторонники этого подхода рассматривают движение идей в тесной связи с социокультурным контекстом эпохи. Одним из аспектов изучения трансляции идей является интеллектуальная коммуникация.

Наука имеет коммуникативную природу: она соткана из множества живых диалогических нитей как со своими современниками, так и предшественниками¹⁵. Однако в практической деятельности исследователь сталкивается с трудностью, как соединить разные концы коммуникационных «нитей», которые не просто переплетены друг с другом, но зачастую

¹⁵ Огурцов А.П. Научный дискурс: власть и коммуникация (дополнительность двух традиций) // Философские исследования. 1993. № 3. С. 12–59.

запутаны в сложный интеллектуальный «клубок». Для решения этой задачи в настоящем исследовании использовалась модель сетевого анализа взаимодействий ученых, предложенная Р. Коллинзом. Исходным пунктом данной модели является: любое интеллектуальное сообщество изолировано и в определенной степени замкнуто – в него входят одни и те же люди, занятые производством интеллектуального продукта. Источники личного происхождения позволяют начертить сетевую схему, «распространяющуюся в нескольких направлениях: "вертикально" во времени – от одного поколения к другому, "горизонтально" – среди современников»¹⁶. Данная схема работает лишь при изучении интеллектуальных взаимодействий, очерченных в рамках конкретных дисциплин.

Типология научных коммуникаций, сложившаяся в науковедческих исследованиях, применительно к истории отечественной исторической науки была осмыслена в ряде исследовательских работ¹⁷. В нашем случае коммуникации целесообразно представить на нескольких уровнях: внутринаучном и внешнем, с учетом механизмов трансляции и закрепления дисциплинарных норм, а также степени интенсивности связей между членами профессионального сообщества. Плотность коммуникативного поля позволяет представить степень сплоченности научного сообщества историографов.

Изучение локальных коммуникативных практик (таких как «историографические среды», дискуссии на страницах исторических изданий) осуществлялось с помощью метода «case study». Данный методологический инструментарий, ориентированный на анализ конкретного случая/события, позволяет плотно описать, выявить его уникальные свойства, но и сравнить с общими трендами, а значит, «приблизиться к пониманию «универсального» как отражения внутренней сущности явления, приобретающей черты закономерного»¹⁸.

Наряду с общенаучными методами: анализом и синтезом, индукцией и дедукцией – применялись и специально научные (историко-генетический, историко-сравнительный).

Источниковая база исследования включает в себя широкий круг опубликованных и неопубликованных материалов, подразделяющихся на делопроизводственную документацию, научные труды историков, эго-источники, учебную литературу. Важное значение в работе имеют использованные нами документы фондов Научного архива ИРИ РАН (НА ИРИ РАН), Архива РАН (АРАН), Научно-исследовательского отдела рукописей РГБ (НИОР РГБ), Государственного архива Саратовской области (ГАСО), Отдела рукописей РНБ (ОР РНБ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), архива Государственного центрального музея современной истории России (ГЦМСИР).

Делопроизводственная документация включает в себя деловую переписку и стенограммы заседаний, отчеты и планы работ, анкеты и личные дела сотрудников комиссии по истории исторической науки, группы/сектора по истории исторической науки, научного совета по проблеме «История исторической науки» и др. Основной массив источников хранится в Научном архиве Института российской истории РАН. Нами была проведена работа по научной обработке и систематизации разрозненных документов, относящихся к деятельности научного совета (Ф.1.

¹⁶ Матвеев С.Р. Сетевой подход как метод исследования интеллектуальной коммуникации // *Общественные науки и современность*. 2014. № 6. С. 146.

¹⁷ Корзун В.П. Коммуникативное поле исторической науки: новые ракурсы историографического исследования // *История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII- XXI вв.: сб. статей*. Челябинск, 2011. С. 290–302; Корзун В.П., Рыженко В.Г. Коммуникативное поле исторической науки: от размышлений историографов к опытам описания // *Диалог со временем*. 2011. Вып. 37. С. 24–44.

¹⁸ Мазур Л.Н. Кейс-стади // *Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь*. М., 2014. С. 212.

Оп.10а). В результате было сформировано 78 ед. хр., датируемых 1959–1980 гг. и включающих разного рода материалы данной структуры.

Большой пласт источников составляют научные труды. В общей сложности в диссертационном сочинении использовалось свыше 100 научных работ разной жанровой природы: монографии, статьи, тезисы докладов, рецензии и т.д. В отдельную подгруппу выделены материалы дискуссий, посвященных 1) периодизации истории советской исторической науки, 2) предмету историографии.

Использование источников личного происхождения историков имеет принципиальное значение для понимания социально-культурного и интеллектуального контекста. С этой целью в диссертации использовались воспоминания Е.В. Гутновой, А.М. Некрича, Ю.А. Полякова, А.Я. Гуревича, А.Л. Сидорова, дневниковые записи С.С. Дмитриева, М.Н. Тихомирова и других представителей ученой корпорации¹⁹. Наиболее полно и подробно деятельность историографической комиссии и научного совета отображена в эго-источниках руководителя данных институций – М.В. Нечкиной²⁰.

В учебной литературе зафиксированы представления ученой корпорации о предметной области историографии, ее методах и подходах. Обращение к данным материалам в диссертационном сочинении было связано с изучением дискуссии о предмете историографии и консервации «готового» знания в учебных изданиях²¹.

Использование в диссертации источников других видов (документы партийных и государственных органов, периодика, хроника) носило эпизодический характер и обуславливалось необходимостью проверки/уточнения конкретного историографического факта.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые представлена дисциплинарная история историографии в СССР во второй половине XX в. как сложный, многокомпонентный процесс. Было исследовано становление и развитие историографии как самостоятельной научной дисциплины, включающей деятельность организационных исследовательских структур, формирование сообщества историков-историографов, появление его коммуникативных площадок и «мест памяти», оформление предметной области дисциплины и складывание/трансляцию/рецепцию нарративной матрицы исследований. При этом дисциплинарная история историографии не является автономным исследовательским полем: она теснейшим образом переплетена с историей отечественной исторической науки, вписана в

¹⁹ Тихомиров М.Н. Дневниковые записи за 1947 – 1948 // АРАН. Ф. 693. Оп. 6. Д. 2; Сидоров А.Л. Воспоминания о Покровском // НИОР РГБ. Ф. 632. Карт. 85. Ед. хр. 9; Некрич А.М. Отрешись от страха. Лондон, 1979; Гутнова Е.В. Пережитое. М., 2001; Поляков Ю.А. Минувшее: Фрагменты: Воспоминания историка. М., 2011; Гуревич А.Я. История историка. М.; СПб., 2012; Из дневников С.С. Дмитриева // Отечественная история. 1999. № 3 – 6; 2000. № 1 – 6; 2001. № 1 и др.

²⁰ «История в человеке» – академик М.В. Нечкина: документальная монография. М., 2011.

²¹ Черепнин Л.В. Русская историография до XIX века: курс лекций. М., 1957; Русская историография: уч. пос. / Под ред. В.Е. Иллерицкого, И.А. Кудрявцева. В 3 т. М., 1959 – 1960; Астахов В.И. Курс лекций по русской историографии. Харьков. Т.1. 1959; Т.2. 1962; Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции: уч. пос. / Под ред. В.Е. Иллерицкого, И.А. Кудрявцева. М., 1961; Шапиро А.Л. Русская историография в период империализма: курс лекций. Л., 1962; Он же. Историография с древнейших времен до 1917 г.: уч. пос. Л., 1982; Косминский Е.А. Историография средних веков. V в. – середина XIX в.: лекции / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1963; Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки: уч. пос. / Отв. ред. И. С. Галкин. М., 1968; Гутнова Е.В. Историография истории средних веков (середина XIX в. – 1917 г.). М., 1974; Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период: уч. пос. М., 1978; Волков Л.В., Муравьев В.А. Историография истории СССР в период завершения социалистического строительства в СССР (середина 1930-х – конец 1960-х годов): уч. пос. М., 1982; Историография истории СССР (эпоха социализма): учебник / Под ред. И.И. Минца. М., 1982 и др.

широкий социально-культурный и политико-идеологический контекст развития науки и общества, ее главными действующими лицами выступают историки со своими симпатиями и антипатиями, надеждами и разочарованиями, успехами и неудачами. В научный оборот были введены новые источники, освещающие деятельность как историографических институций (комиссии по истории исторической науки и научного совета по проблеме «История исторической науки»), так и отдельных персон.

Теоретическая значимость. Полученные результаты исследования дают основания для разработки проблемы меняющихся функций историографии как научной дисциплины, и соответственно ее образа, под воздействием научных парадигм в широком смысле этого слова, специфических общественно-политических условий развития исторической науки, сложившихся унифицированных практик исследований и роли личности в манифестировании и закреплении новаций или традиций. Речь идет о теоретической проблеме – перестроения научных дисциплин и их функций/задач в условиях нарастающей полидисциплинарности.

Научно-практическая значимость диссертации связана с возможностью использования новых источников, положений и выводов исследования в учебных курсах по историографии, науковедению, а также применения их для разработки учебных пособий и обобщающих трудов по истории советской исторической науки второй половины XX в.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Важнейшей специфической характеристикой функционирования системы советской исторической науки являлось существование в качестве отдельного элемента этой системы историографии как особой академической дисциплины. В рамках этой системы историография, выполняя свои специализированные функции, обладала достаточно высокой степенью дисциплинарной автономии с наличием таких атрибутов как специализированные научно-исследовательские подразделения и отдельный статус в номенклатуре специальностей. В рамках достаточно длительного процесса институционального оформления историографии как особой академической дисциплины можно выделить несколько этапов – 1920 – 1940-е и 1950 – 1980-е гг., каждый из которых обладает своими особенностями.

2. Период 1920 – начала 1940-х гг. в рамках дисциплинарной истории советской историографии следует рассматривать как период складывания предпосылок дальнейшего развития. Институционализация историографических исследований в эти годы носила эпизодический и прерывистый характер. Но при этом в основных чертах был сформирован советский историографический нарратив, просуществовавший с незначительными изменениями до конца 1980-х г. и отразивший представления сообщества советских историков о научных и общественных функциях историографии (коммеморативная, интроспективная, рефлексивная, политико-идеологическая).

3. Переломным рубежом в институциональном оформлении историографии в качестве отдельной научной дисциплины явилось создание в Советском Союзе в послевоенные годы специализированных академических историографических институций (комиссии по истории исторической науки, научного совета по проблеме «История исторической науки»). Именно они стали во многом определять вектор развития историографических исследований. На возникновение и деятельность этих структур оказывали влияние различные факторы политико-идеологического и социально-культурного плана, корпоративные ценности и внутринаучные конфликты, специфика взаимодействия власти и ученого сообщества, личностный и коллективный опыт исследователей.

4. Сформировавшиеся в этот же период в рамках системы советской исторической науки специализированные историографические коммуникативные площадки («историографические среды», научные конференции, историческая периодика, особенно в отражении дискуссий) выполняли целый ряд важнейших функций в процессе формирования историографии как самостоятельной академической дисциплины. Они транслировали сложившиеся в корпорации взгляды и подходы к историографии, закрепляли новые правила историографического исследования, задавали вектор развития дисциплины, стимулировали конструирование и трансформацию проблемного поля историографических исследований, обеспечивали связь между представителями различных научных центров и поколений исследователей, одновременно являясь «скрепами» формирующегося научного сообщества историографов.

5. Важнейшим инструментом формирования историографии как академической дисциплины и особой профессиональной идентичности историографов стали развернувшиеся в 1960 – 1970-е и имевшие широкий резонанс дискуссии о предмете, объекте, целях, задачах и функциях историографических исследований. В этих дискуссиях приняли участие десятки ученых, в том числе М.В. Нечкина, А.И. Данилов, А.М. Сахаров, С.О. Шмидт и др. Обсуждение учеными предметной области историографии отразило поиски границ дисциплины, ее места в общем русле советской исторической науки. Обозначилось несколько подходов к определению историографии: 1) «историография = история исторической науки», 2) «историография = история исторической мысли», 3) «историография = история знания». Наблюдается тенденция к расширению предметной области дисциплины за счет широкого толкования понятия «история исторической мысли».

6. Дисциплинарное оформление историографии проявилось в коммеморативных практиках сообщества, отражающих не только разделяемые образцы профессионального совершенства, но и стратегии присвоения и сплочения. В обозначенный период научный пантеон классиков отечественной исторической науки заметно менялся, и важнейшую роль в формировании и перекодировании канона играли именно историографические исследования, что наглядно демонстрирует история трансформации образа М.Н. Покровского в советской историографии. Научная «реабилитация» этого историка была санкционирована властью в условиях преодоления «культа личности», поддержана и реализована ученой корпорацией с известной долей сопротивления.

Апробация работы проводилась автором в выступлениях на региональных, всероссийских и международных научных конференциях: "Молодежь Третьего тысячелетия" (Омск, 2015, 2016), "VII Арсентьевские чтения «Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова)»" (Чебоксары, 2017), "Мавродинские чтения" (Санкт-Петербург, 2018), "Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (К 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого)" (Томск, 2019). Основные результаты диссертационного исследования нашли отражение в 10 публикациях, пять из которых изданы в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры отечественной истории и политологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Структура исследования включает в себя введение, три главы, заключение, список использованных источников и литературы, список сокращений и 1 приложение.

Основное содержание диссертации

Во введении обосновывается актуальность темы, степень ее изученности, объект и предмет исследования, цель, задачи, хронологические и территориальные рамки, методологическая и источниковая база работы, научная новизна, теоретическая и научно-практическая значимость диссертации, основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Историография в интеллектуальном пространстве СССР: 1920-е – начало 1940-х гг.» посвящена особенностям развития историографии в 1920-е – начале 1940-х гг. В обозначенный период институционализация дисциплины носила эпизодический характер, поэтому главным образом внимание было сосредоточено на изучении того, как складывался новый историографический нарратив и как транслировались представления о функциях дисциплины. Особенностью этого периода было наличие двух взаимоисключающих исследовательских традиций.

В первом параграфе «Историография в представлении историков «старой» школы: 1920-е гг.» рассмотрены историографические опыты историков «старой школы» (А.Е. Преснякова, Н.И. Кареева, С.Ф. Платонова и др.), обращение к историографии которых вызвано коммеморативными целями и приурочивалось к юбилейному или памяtnому событию научной жизни. Историографические нарративы стали уникальными «местами памяти» сообщества. Это была попытка остановить время, оставить в памяти корпорации имена ученых, которые в новый советский пантеон классиков не вписывались.

Во втором параграфе «Развитие историографии в советской исторической науке 1920-х – начала 1940-х гг.» показано отношение к историографии марксистски ориентированных историков. Рассмотрены историографические тексты М.Н. Покровского, М.В. Нечкиной, С.А. Пионтковского, Н.Л. Рубинштейна, О.Л. Вайнштейна, А.Л. Сидорова. Было установлено, что в эти годы историография выступала одним из инструментов идеологической борьбы. Хотя накануне войны благодаря исследованиям Н.Л. Рубинштейна и О.Л. Вайнштейна наметился поворот историографии в научное русло.

Во второй главе «Историография как научная дисциплина во второй половине 1940-х – середине 1980-х гг.: институциональный аспект» представлен институциональный срез дисциплинаризации историографии во второй половине 1940-х – середине 1980-х гг.: изучена деятельность комиссии по истории исторической науки и научного совета по проблеме «История исторической науки» в широком социально-культурном и интеллектуальном контексте. В деятельности комиссии было выделено два периода: 1) «период историографической мечты» (1946 – 1948 гг.) и 2) «период практической историографии» (1949 – 1961 гг.).

В первом параграфе «Комиссия по истории исторической науки: организация, замысел, начало функционирования» показана деятельность институции в 1946 – 1948 гг. Комиссия возникла на волне всплеска интереса к истории отечественной науки, обозначившегося сразу после окончания Великой Отечественной войны. В состав институции вошли ведущие историки тех лет, преимущественно работавшие в Институте истории АН СССР (В.П. Волгин, Б.Г. Греков, С.В. Бахрушин, И.Ю. Крачковский, Е.А. Косминский и др.). Комиссия существовала при Отделении истории и философии АН СССР и занималась подготовкой историографических томов «Научного наследия», обсуждением докладов и монографий и др. Деятельность институции была малоэффективной. С одной стороны, негативно сказалась кампания по борьбе с «буржуазным объективизмом» и «космополитизмом», мишенью которой в исторической науке стала «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна. С другой, загруженность членов структуры по основному месту работы не оставляла времени на выполнение добровольно взятых на себя обязательств.

Второй параграф «Деятельность комиссии по истории исторической науки в 1949 – 1958 гг.» посвящен второму этапу деятельности институции. В 1949 г. в связи с неудовлетворительной работой институции произошло ее реформирование. Комиссия была переведена в ведение Института истории АН СССР, новым председателем назначен М.Н. Тихомиров. Деятельность структуры была сосредоточена на подготовке «Очерков истории исторической науки в СССР». За время работы над изданием в политической и социально-культурной жизни страны произошли большие изменения: создание «Очерков» началось, когда идеологические кампании «позднего сталинизма» сходили на нет, опубликованы они были, когда дыхание «оттепели» и приближающихся перемен уже было слышно. Именно поэтому в 1955 г., когда первый том труда вышел из печати, он сразу же стал предметом научной критики. Дальнейшая деятельность комиссии была связана с подготовкой следующих томов «Очерков», широким обсуждением их в ученом сообществе, что в свою очередь стимулировало изучение теоретико-методологических проблем исторического знания, осмысление неоднозначных страниц недавнего прошлого исторической науки, поиск новых подходов в историографических исследованиях.

В третьем параграфе «Научный совет по проблеме «История исторической науки»: «орган научной общественности» представлены основные функции и направления деятельности данной институции в плане дисциплинаризации историографии. Было установлено, что совет по историографии возник в хронологическом отрезке: июнь 1959 г. – февраль 1960 г., и просуществовал до 1985 г. Все эти годы возглавляла структуру М.В. Нечкина. Особенность данной институции заключалась в ориентации на координацию/консолидацию историков, интересующихся историографической проблематикой. Научный совет имел разветвленную сеть зональных секций. На примере Поволжской, существовавшей на базе Саратовского университета, показана специфика взаимодействия и каналы координации.

В третьей главе «Историография как научная дисциплина во второй половине 1940-х – середине 1980-х гг.: коммуникативный, предметный и коммеморативный аспект» представлены иные, не институциональные составляющие дисциплинарного развития историографии.

В первом параграфе ««Историографические среды» как канал формирования научного сообщества историографов» рассмотрены организуемые научным советом по проблеме «История исторической науки» заседания-«историографические среды» как коммуникативная площадка. Практически всегда «среды» проходили по единому сценарию: 1) вступительное слово председателя; 2) представление доклада; 3) вопросы к докладчику; 4) обсуждение доклада; 5) заключительное слово председателя. Первая среда состоялась 4 января 1961 г. и посвящалась проблеме определения предмета историографии. Удалось установить хронологические рамки перерыва в организации «сред»: 1968/1972 – 1977 гг. и обозначить причины затянувшейся паузы в их проведении. Определены основные характеристики «историографических сред» как канала коммуникации: разноплановость историографических проблем, универсальность формы, относительная регулярность и высокий профессиональный уровень организации, камерность атмосферы. Это в совокупности, с одной стороны, оказывало точечное воздействие на складывание когнитивных ценностей, а с другой, способствовало их более глубокому усвоению представителями историографического сообщества – складывалась интеллектуальная сеть единомышленников.

Во втором параграфе «Дискуссия о периодизации истории советской исторической науки как форма научной коммуникации» представлено обсуждение периодизации, развернувшееся на страницах журнала «История СССР» в 1960 – 1962 гг. Необходимость дискуссии вытекала из

потребности эмпирической практики, связанной с подготовкой томов «Очерков истории исторической науки в СССР», посвященных советскому периоду. В обсуждении приняло участие свыше 50-ти историков, взгляды некоторых из них были изложены в последующих публикациях. Всего полемике посвящено 16 статей в «Истории СССР». Дискуссия способствовала расширению коммуникативного поля ученых-историков – обсуждение вышло за пределы Института истории АН СССР благодаря участию вузовских как столичных, так и провинциальных историков. В содержательном плане наметилось позиционирование и научная локализация двух подходов в понимании советской исторической науки – внешний (экстерналистский) и собственно научный (интерналистский).

В третьем параграфе ««Границы» дисциплины: обсуждение предмета историографии» показано предметное оформление историографии. Были рассмотрены основные событийные узлы дискуссии о предмете историографии, развернувшейся в 1960 – 1970-е гг. Особенность этого диспута состояла как в большой хронологической растянутости, так и коммуникативной рассредоточенности. Интерес к теоретическим вопросам историографии, с одной стороны, диктовался практическими нуждами, связанными с преподаванием историографии в высшей школе, а с другой, совпал с «научоведческим бумом», когда наука становится объектом специального исследования.

Четвертый параграф «Научная «реабилитация» М.Н. Покровского в коммеморациях и корпоративных практиках научного сообщества» посвящен возвращению имени М.Н. Покровского в пантеон советских классиков. В данном разделе коммеморативные практики рассматриваются в качестве «скрепов» научного сообщества, а значит, выступают и составляющими дисциплинаризации историографии. Научная «реабилитация» М.Н. Покровского была санкционирована властью во второй половине 1950-х гг. и использовалась ею в контексте преодоления «культа личности». Научное сообщество идею «реабилитации» подхватило и стало ее успешно реализовывать. Активными участниками этого процесса стали С.М. Дубровский, М.В. Нечкина, Е.А. Луцкий, М.Е. Найденов, О.Д. Соколов и др.

В заключение подведены итоги и сформулированы основные выводы диссертации.

Вторая половина 1940-х – середина 1980-х гг. отмечена «историографическим бумом» в советской исторической науке. В эти годы произошла дисциплинаризация историографии как научной дисциплины, проявившаяся в формировании ее предметного поля, складывании исследовательского нарратива, институционализации научного сообщества и трансляции и закреплении образа историографии в учебном процессе. В своем оформлении историография прошла достаточно длительный путь. Нами были рассмотрены несколько аспектов этого процесса – институциональный, коммуникативный, предметный, коммеморативный.

В 1920-х – первой половине 1940-х гг. институции, занимающиеся производством/трансляцией историографического знания, были единичны, а их деятельность носила эпизодический характер. Поэтому акцент был сделан на изучении историографического нарратива этого периода, создаваемого как представителями «старой» школы, так и историками-марксистами. Две исследовательские традиции являлись взаимоисключающими. Историография для ученых «старой» школы стала способом самоидентификации, сохранения корпоративной памяти в принципиально новых политических и социально-культурных условиях.

Принципиально новый подход к историографии предложили представители марксистской науки. В эти годы складывается нарративная матрица дисциплины, которая будет устойчива, несмотря на определенную коррекцию, на протяжении всего советского периода. Основными чертами советского историографического нарратива являются классовый подход и представление

об экономической обусловленности исторических взглядов, и как следствие, обезличенность текстов. В общем, субъективное начало в историографических нарративах не отрицалось, но было явно ослаблено. В исследованиях советских авторов историографический процесс изображался как поле идеологической битвы между «своими» и «чужими». Острота интеллектуального «сражения» не оставалась неизменной: она зависела от факторов политических, личностных, внутринаучных. В исторической науке одним из основных «врагов» были провозглашены представители «буржуазной науки», включающие и отечественных дореволюционных ученых, и историков-эмигрантов, позже – западных «буржуазных фальсификаторов». Сложилась традиция презентации научного знания, отправной, наивысшей, точкой развития которого рассматривалось марксистско-ленинское учение.

В исследовательской литературе начало «историографического бума» относят к концу 1950-х гг. Однако активное институциональное строительство историографии началось во второй половине 1940-х гг. и было связано с деятельностью комиссии по истории исторической науки (1946 – 1961 гг.). В работе данной структуры было выделено два этапа. В первый период (1946 – 1948 гг.) деятельность комиссии преимущественно сводилась к организации заседаний, на которых заслушивались историографические доклады, а также подготовке к изданию ряда трудов, в частности, историографической серии «Научного наследия». Начавшиеся в 1948 г. идеологические кампании изменили вектор развития историографической комиссии. Заниматься историей исторической науки, с одной стороны, стало небезопасно – слишком велика вероятность стать мишенью для публичной критики со всеми вытекающими из этого последствиями. С другой стороны, отказаться от изучения этих сюжетов вовсе не представлялось возможным: в условиях «холодной войны» историографические тексты являлись формой презентации достижений советской исторической науки, в том числе в странах народной демократии. Для второго периода (1949 – 1961 гг.) характерно сужение направлений деятельности комиссии и изменение ее институциональной локации.

Начавшееся после XX съезда КПСС «потепление» интеллектуального климата в СССР стимулировало развитие историографической дисциплины. Либерализация социально-культурной жизни, критика «культы личности», плюралистичность исследований, «открытие» архивов и др. стали почвой для «историографического бума». Был создан научный совет по проблеме «История исторической науки», провозглашенный «органом научной общественности» и призванный координировать историографические исследования историков.

Создание и деятельность историографических институций отражало как социальный заказ – властную инструментализацию истории отечественной науки, так и внутренние интенции развития науки.

В рамках науковедческого поворота 1960 – 1970-х гг. обозначился интерес исследователей к вопросам, что есть научная дисциплина, под воздействием каких факторов она развивается и как соотносится с другими формами интеллектуального знания. Применительно к историографии эти аспекты были затронуты в ходе полемики об определении предметной области дисциплины. Эта дискуссия, носившая продолжительный (1960 – 1970-е гг.) и дискретный характер, имела важное значение в определении дисциплинарных границ историографии. Были обозначены основные подходы к пониманию историографии, сводившиеся по существу к нескольким определениям: 1) историография как история исторической науки, 2) историография как история исторической мысли и 3) историография как история знаний. Также в эти годы наметились новации в понимании исследуемой дисциплины: поднимался вопрос о соотношении исторической мысли и исторического сознания и включении последнего в предметную область историографии.

Научное сообщество – необходимый атрибут дисциплинаризации. Это большая тема, бесспорно требует специального изучения. В нашем исследовании эта проблема оказалась представленной в тесной связи с институциональным обустройством дисциплины. Дискуссия по поводу периодизации истории советской исторической науки, развернувшаяся в 1960 – 1962 гг. на страницах «Истории СССР», явилась реперной точкой в складывании сообщества историографов. В ней приняли участие ведущие столичные и провинциальные специалисты академической и вузовской науки, представлявшие разные предметные поля. Это было первое в СССР публичное обсуждение в печати теоретических вопросов историографии. Дискуссия как форма интенсивной и напряженной коммуникации ученых способствовала расширению предметного поля историографии, которое не сводилось к периодизации истории советской исторической науки. В рамках обозначенной проблемы в дискуссии были подняты вопросы факторов, влияющих на развитие советской исторической науки, соотношения проблемной историографии с логикой и хронологией движения науки в общем плане.

Особую роль в процессе оформления научного сообщества историографов сыграли организуемые научным советом коммуникативные площадки: конференции, «историографические среды», сборник «История и историки» и т.д. Обнаруженные и систематизированные нами архивные материалы в Научном архиве ИРИ РАН позволили более масштабно выявить коммуникативный потенциал «историографических сред» и их роль в дисциплинаризации историографии. В складывании сообщества важна и прогностическая деятельность научного совета, проявившаяся в анкетировании ученых, анализе реестра тематики исследований, составлении картотеки историографов.

Оформление дисциплины предполагает также складывание и репрезентацию пантеона классиков, формирование корпоративной памяти, которая выступает «социальным клеем» научного сообщества. Пантеон классиков на протяжении изучаемого периода менялся. Показательны в этом плане зигзаги классикализации фигуры М.Н. Покровского – конструирование «нового классика» при низвержении старых, деклассикализация и научная «реабилитация» которого разворачивается в 1960-е гг. Импульс научной реабилитации историка был дан сверху: на XX и XXII съездах КПСС звучали призывы пересмотреть роль историка в годы «культы личности». В обозначенный период наметился отказ от закрепившихся в историографии конца 1930-х гг. оценок творчества историка. Представители ученого сообщества предлагали разные модели изучения наследия историка, неременным их атрибутом стала апелляция к архивным источникам, личным воспоминаниям. Границы «допустимого» в данном процессе определялись властью, что находило отражение в зигзагах презентации его наследия – повышенный интерес в начале 1960-х гг. и по существу свертывание 100-летнего юбилея историка в 1968 г. Однако отметим, что и на этом поле автоматического подчинения заказу «сверху» не произошло. Работы, посвященные творчеству М.Н. Покровского, продолжают выходить в 1970-е гг., несмотря на ослабление интереса власти к данному сюжету.

Историография как рефлексивная дисциплина на протяжении исследуемого периода закрепляла канон исследования, стержнем которого было марксистское понимание исторического процесса, критически оценочная функция, в основе которой лежал классовый подход, также сохраняется и закрепляется в учебниках и учебных пособиях по историографии.

Меняющийся образ науки в последней трети XX в., задавал новые вызовы, провоцировал недоверие к устоявшемуся историографическому канону, прежде всего методологическому монополизму. Начинается переформатирование и самого образа историографии, выразившееся, прежде всего, в интересе к проблематике профессионализма историка, интересе не только к

готовому знанию, но и способам его получения, к интеллектуальному и социальному контексту эпохи. Заметим, что в этой области к середине 1980-х гг. наработки уже были значительны, но налицо был разрыв между исследовательской эмпирией и теоретическим осмыслением предметного поля историографии и ее меняющихся функций в процессе развития исторической науки. Эта проблема требует специального исследования, как и проблема угасания и взлетов интереса к историографии в исторической ретроспективе. Она, как явствует, не сводима лишь к политическому давлению извне.

В **приложении** к диссертации приводится институциональная карта дисциплины.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в изданиях, индексируемых в международной базе цитирования Web of Science

1. Груздинская В.С., Корзун В.П. Первая историографическая дискуссия в СССР: проблема периодизации советской исторической науки в интерьере коммуникативного поля // Вестник Пермского университета. Серия История. – 2016. – № 3. – С. 58 – 68.
2. Груздинская В.С. "Историографические среды" как канал формирования научного сообщества историографов в советской исторической науке в 1960–1980-е гг. // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 417. – С. 49 – 53.

Статьи в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК

3. Груздинская В.С. Неудавшаяся попытка «историографического ренессанса» советской исторической науки: деятельность Комиссии по истории исторической науки в Академии наук СССР в 1946 – 1948 гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2017. – №4. – С. 197 – 202.
4. Груздинская В.С. Юбилей Академии наук СССР в 1945 г. в зеркале приветственных адресов // Россия XXI. – 2020. – № 2. – С. 26 – 39.
5. Груздинская В.С. «Реабилитация» М.Н. Покровского в сообществе историков: конец 1950-х – 1960-е годы // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». – Т. 162 – 2020. – № 3. – С. 220 – 231.

Публикации в других изданиях

6. Груздинская В.С. М.Н. Покровский в научной биографии М.В. Нечкиной // Молодежь третьего тысячелетия: XXXIX региональная студенческая научно-практическая конференция: тезисы докладов. – Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2015. – С. 300 – 304.
7. Груздинская В.С. "Миф" о Научном совете по проблеме "История исторической науки" // Молодежь третьего тысячелетия: XXXIX региональная студенческая научно-практическая конференция: сб. ст. – Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2016. – С. 812 – 814.
8. Груздинская В.С. Когнитивный потенциал анкеты как источника по исследованию научно-педагогического сообщества историографов // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова): сб. ст. – В. 2 т. – Т.1. – Чебоксары: ООО «Издательский дом "Среда", 2017. – С. 28 – 32.
9. Груздинская В.С. «Историографический ренессанс» в советской исторической науке: проблемы формирования научного поля дисциплины // Мавродинские чтения 2018: Материалы Всероссийской конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина. – СПб.: Нестор-История, 2018. – С. 600 – 603.
10. Груздинская В.С. «Возвращение в науку»: реабилитация М.Н. Покровского в советской исторической науке (1960-е гг.) // Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого): материалы Всероссийской

научной конференции с международным участием (Томск, 3 – 4 октября 2019 г.). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. – Ч.1. – С. 27 – 32.